

об иронической прииме»); он присоединяется к суждениям, отказывающим «Генриаде» в звании эпической поэмы; во-первых, Вольтер незаконно погрешил против правила изображать в эпической поэме только события и людей «самоудаленных иронических времен»: «... ирой его есть не Лаомедонт или Приам, но Генрик, поражающий наши слухи не знаю чем гофическим и неприятным, для того, что ирой Шилбранд, осмеянный от Боало-Депрео, и Ганри ирой суть одного поля, да так сравню, ягоды». Третьяковский считает, что герой поэмы «долженствует быть баснословный», — «следовательно, крайнее было бы бесславие французскому народу и нестерпимая обида, когда б толикому государю его быть некоторым родом Бовы-королевича в эпической прииме, ибо и величавости и славе его противно находить басненную чудесность в простоте летописей своих». Далее Третьяковский развивает мысль о несовместимости исторической достоверности с поэтическим вымыслом. Следует указать, что, по-видимому, Третьяковский через голову Вольтера метил в Ломоносова с его эпической поэмой «Петр Великий» (прямые нападки на недавно умершего Ломоносова были бы неудобны).

В данной связи можно привести еще следующее место из того же предисловия к «Тилемахиде»: Третьяковский говорит о слабости французского стиха — «нет у них всеконечно никаких стихов, потому употребляют рифму, да утаят ею безобразный род прозы — ибо определенным числом складов состоящие — в ложных своих стихах. Не бедность ли то и мелочь?». Это неуважение к прославленной во всей Европе французской поэзии должно было служить обоснованием прав русской поэзии на самостоятельный путь, приближающий ее к античности через голову Буало и Вольтера. В то же время, сближая свою норму русской поэзии с воспоминаниями античности, Третьяковский именно в этой тенденции выявляет свое сближение с новаторскими идеями Запада середины XVIII в.

Он пишет далее: «Драматическому стихотворению надлежит быть в течении слова всеконечно сходственну с естеством. Что есть драма? Разговор. Но природно ль есть то собеседование, кое непрестанно окончивается женскою рифмою, как на горе—море, а мужескою, как на увы—вдовы, сочетаясь непременно? Я, в особенности¹ моей, читая иногда, отдохновений во время, комедии французские, больше всего чувствую сладости... от чтения Арлекина Дикого,² нежели от препрославленного Молиерова Тартюфа. Чего же ради? Тартюф сей в стихах своих имеет рифмы, и потому от природного течения слова весьма удалился, а Дикый Арлекин идет прозою, следовательно сходствует с самым чистым естеством. Не сомневаюсь, чтоб и прочии читатели у нас не такое ж имели при сем чувствие».

¹ Т. е. дома, в приватности.

² Комедия-буффонада Делиля (1712).